

ТРАДИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.*

Великие реформы Александра II внесли существенные изменения в общественную жизнь различных слоев общества, способствовали развитию гражданских свобод и местного самоуправления. Это коснулось и горнозаводского населения Урала, что уже отмечалось в уральской историографии. В частности, В.Ю.Крупянская и Н.С.Полищук в общих чертах рассмотрели структуру, состав и функции институтов местного самоуправления в Нижнем Тагиле в пореформенное время¹. Не удивительно, что именно Нижне-Тагильский завод оказался в центре внимания исследователей. Как писал известный краевед И.Я.Кривошеков, автор «Словаря Верхотурского уезда Пермской губернии», Нижний Тагил являлся «громздным селением», численностью своей превосходивший многие из губернских городов России. В Пермской губернии по числу жителей это селение занимало первое место после Перми и Екатеринбурга, опережая по населенности все уездные города губернии, не говоря о горных заводах Урала². Вполне естественно, что здесь проблема местного самоуправления стояла более остро. Цель данной статьи — рассмотреть эволюцию институтов местного управления на заводах Среднего Урала во второй половине XIX — начале XX в. В частности, представляется важным охарактеризовать структуру, состав и деятельность институтов местного самоуправления в горнозаводских поселениях в рассматриваемый период.

В пореформенную эпоху в Нижнем Тагиле было создано 5 сельских обществ, территориально совпадавших с приходами. Свои названия они получили от приходских церквей — Александро-Невское (на Гальянке), Выйское и Никольское (на Вые), Выходо-Иерусалимское (в центре города) и Троицкое (на Ключах). В состав сельских обществ Нижнего Тагила входили рабочие («мастеровые»), ремесленники, мелкие торговцы. Тон в них задавали «мастеровые» и сами общества еще назывались «обществами мастеровых». До 1863 г. все сельские общества Нижнего Тагила составляли одну волость — Нижне-Тагильскую³.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 04-01-83107а/У)

В пореформенный период по-прежнему важным социальным институтом являлась церковь. Многие решения жители Нижнего Тагила принимали в церквях, например, решения о мерах сохранения памяти о царе-освободителе Александре II, пользовавшемся большой народной любовью. Так, после издания Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, изданного в марте 1861 г., верующие в Нижнем Тагиле отслужили благодарственный молебен о здравии и благоденствии царя и всего царствующего дома и единодушно постановили увековечить память об этом великом событии, поставив в церквях иконы св. благоверного князя Александра Невского. Кроме того, прихожане Свято-Троицкой единоверческой церкви решили устроить в церкви особый придел также во имя ангела-хранителя царя. Все эти решения были выполнены. Однако и этим верующие Нижнего Тагила не ограничились, «пожелав более видимым, отдельным памятником освятить это вожденное событие», и приступили к сооружению нового, каменного храма во имя благоверного князя Александра Невского. Кроме того, чтобы «и самое название места не напоминало более крепостной неволи, целовались просить все милостивейшего отца-освободителя, чтобы благоволил Нижне-Тагильск, имеющий 26 тыс. жителей, обширную торговлю и все элементы городского быта, - преобразовать в город с наименованием его Александровским»⁴.

Этот вопрос рассматривался 8 сентября 1861 г. на полном сходе Нижне-Тагильской волости, в итоге присутствующими был подписан приговор о преобразовании Нижнего Тагила в уездный город Александровский. Эта просьба, поступившая от них в Министерство внутренних дел, аргументировалась как удобством географического расположения Нижнего Тагила, так и показателями его экономического потенциала. В приговоре отмечалось: «Нижне-Тагильск, по географическому положению своему, находится в центре городов Пермской губернии, именно: от Екатеринбурга с юга в 150, от Верхотурья с севера в 160, от Ирбита с востока и Кунгура с запада в 200 верстах, и что по освобождении крестьян от крепостной зависимости многие из них занялись торговлей и промышленностью, деятельность которых при новых условиях общественного быта, быстро развивается, и все это становится Нижне-Тагильск, имеющий более 26 тыс. душ населения, на степень городов весьма торговых и промышленных». Отмечалось также, что, даже не будучи городом, он отнесен по торговле к 3 разряду патентной пошлины, наравне с Пермью, Екатеринбургом и Ирбитом, тогда как Верхотурье, в уезде

которого Нижний Тагил находился, «по отсутствию в нем торговой деятельности и жители которого и занимались преимущественно хлебопашеством», относился к 5 разряду. Говорилось, что купцы, проживавшие в Нижнем Тагиле и занимавшиеся в нем торговлей, ежегодно «отвлекались» в Верхотурье для получения и предъявления торговых свидетельств, взноса в казначейство различных платежей, а особенно для выполнения общественной службы, требовавшей ежедневного присутствия и заставлявшей временно прекращать коммерческую деятельность и на определенный срок переселяться в Верхотурье. В Министерство внутренних дел поступили, кроме общественного приговора, план поселения и согласие с решением жителей Нижнего Тагила заводовладельца Демидова⁵.

Министр внутренних дел командировал статского советника Мордвинова удостовериться, «точно ли все заводские мастерские и прочие жители желают иметь в Нижне-Тагильске уездный город и знают ли они, что, будучи мещанами, они лишаются прав на пользование покосами и пашнями, кои отойдут во владение помещика Демидова». Вопрос обсуждался вновь на волостном сходе, в присутствии старосты и выборных от общества, 25 августа 1863 г. На нем было принято решение просить мирового посредника довести до сведения начальства о желании общества мастерских «быть причисленными к городскому сословию с переименованием Нижне-Тагильска в уездный город с теми учреждениями и управлениями, какие присвоены уездным городам». Этот приговор был отправлен мировому посреднику Эйлеру 2 сентября 1863 г. для передачи Мордвинову. С тех пор прошло более 10 месяцев, а вопрос оставался нерешенным. В связи с этим уполномоченные от 26 тыс. жителей Нижнего Тагила ирбитские купцы П.И.Живиллов и В.И.Урожденский вновь ходатайствовали перед властями о выполнении просьбы⁶.

Что касается мнения самого статского советника Мордвинова, то он, отчитываясь перед земским отделом Министерства внутренних дел, докладывал, что при посещении Нижнего Тагила он на сходе подробно объяснял мастерским «невыгоды перечисления их в мещане и преимущественно указывал на прекращение для них всех прав на заводские земли и на упразднение их волостного управления». При этом он отмечал, что местный волостной старшина заслуживал «полного одобрения», а волостной суд, имевший заседание в его присутствии, «разбирал взаимные споры мастерских между собой добросовестно и со знанием дела», а очередные судьи были людьми, «пользовавшимися уважением и авторитетом». И все-

таки сам Мордвинов при рассмотрении рассматриваемых приговоров «со своей стороны не находил основания к отказу в ходатайстве мастеровых»⁷.

Несмотря на положительные оценки, данные Мордвиновым волостным управлению и судопроизводству в Нижнем Тагиле, есть доказательства прямо противоположного характера (о медленности работы волостного суда и волостного правления в целом), которые дают основания для некоторых сомнений в эффективности функционировавшего в Нижнем Тагиле управления. Недаром вопрос о городском статусе жители Нижнего Тагила непосредственно связывали с идеей формирования нового, более действенного местного управления. Например, в газете «Екатеринбургская неделя» один местный крестьянин отмечал, что управлять такой громадной волостью, какой являлась Нижне-Тагильская, было «чрезвычайно трудно, особенно при значительном контингенте лиц некрестьянского сословия, составляющих *terra incognita* для должностных лиц волостного правления». Расходится с мнением Мордвинава и принадлежащая корреспонденту газеты характеристика руководителей волостного управления. В газетной заметке крестьянин утверждал, что общество мастеровых почти с самого основания волости не могло выбрать хорошего волостного старшину, хотя, на его взгляд, в числе мастеровых было много «людей довольно развитых и порядительных, но ни один из них не шел на должность старшины...». Современник жаловался на медленное решение дел в волостном управлении, «плохие порядки» в волости в целом и в частности на их последствие — значительные недоимки в податях. Инициатива губернатора в деле разделения Нижнего Тагила на три волости нашла поддержку у большинства мастеровых. Однако все тот же крестьянин, ссылаясь на недостаток самостоятельности должностных лиц и при такой системе управления, писал: «Очень жаль, что мастеровым никто не растолковал, что разделение на три волости не только не улучшит дела, но много ухудшит его. Если уж нельзя изменить положение волостных и сельских должностных лиц относительно начальства, то лучше бы Тагил сделать городом». Он предполагал, что с получением статуса города повинности с жителей уменьшились бы, возросла бы эффективность общественного самоуправления. Критикуя назревавшее преобразование одной Нижне-Тагильской волости в три волости, он указывал на определенные трудности и недостатки такого реформирования. В частности, как заинтересованное лицо, он отмечал неминуемое увеличение расхо-

дов на содержание еще двух волостных правлений, 2-х старшин и 2-х волостных писарей, на устройство помещений для волостных правлений и их обстановку; на перспективы деления волостного имущества на 3 части и т.д. Свою критическую статью крестьянин завершал словами: «Не лучше ли волостным и сельским властям придать побольше самостоятельности? Тогда они имели бы больше времени заниматься крестьянскими делами, и дела эти пошли бы гораздо лучше...»⁸.

Это была одна из точек зрения, совпадавшая с мнением остальных жителей о целесообразности сделать Нижний Тагил городом. Основное ядро населения Нижнего Тагила в середине XIX в. составляли лишившиеся крепостной зависимости мастеровые, принадлежавшее ранее Демидову: 9144 душ мужского пола и 10083 женского. Кроме того, в Нижнем Тагиле проживали представители иных сословий (дворян, чиновников, духовенства, мещан, крестьян из других губерний и ведомств, а также купцов) - всего 2243 человек мужского пола и 2206 женского.

Нижний Тагил отличался от многих других поселений Урала значительным числом культурных учреждений — в нем насчитывалось: православных церквей — 4, единоверческих — 3, каменных домов — 129, деревянных — 3805, торговых лавок и магазинов — 319, училищ — 4 и приютов — 2, а также имелась народная школа⁹.

О весомости экономического потенциала Нижнего Тагила свидетельствует большое число заводов, фабрик и других промышленных заведений (было 8 кожевенных предприятий, 6 салотопенных, 4 мыловаренных, 1 прядильное, канатный завод, бумажная фабрика, 22 предприятия по производству подносов, лаковая фабрика, 7 предприятий по производству ковшей, столько же - по изготовлению сундуков, 5 лудиленных, 4 иконостасных и живописных заведения, 5 красильных, 30 кузнечных заведений; кроме того у мастеровых было 170 домашних кузниц, 7 гвоздарных предприятий, 2 экипажных, 7 столярных, 2 слесарных, 1 пряничное, 39 шваленных, 4 чеботарных, 6 маслобойных, 7 скотобоев, 5 мельниц - всего 193 предприятия с 1114 рабочими). 3200 рабочих трудились на чугуноплавильном, медеплавильном и железоделательном заводах Павла Павловича Демидова¹⁰.

Что касается иных заведений, то винных складов в Нижнем Тагиле было 6, питейных и постоянных домов — 126, трактиров — 2, гостиниц — 4. Всего занимавшихся торговлей и промышленностью в Нижне-Тагильском заводском селении купцов насчитывалось 97,

мещан — 256, мастеровых — 244. На ниже-тагильский рынок ежегодно привозилось до миллиона пудов хлеба¹¹.

Жители Нижне-Тагильского завода, мечтая о преобразовании Нижнего Тагила в город, надеялись на ряд новых позитивных изменений, в частности, что проживавшие там «сторонние люди» войдут в «здешнее городское сословие и будут важной поддержкой общества»; торговые люди, причисленные к другим обществам, но проживавшие в Нижнем Тагиле, не будут вынуждены выезжать в другие места для взноса податей и получения паспортов, «не будут тратить много и напрасно денег, а главное не будут отвлекаться от заводской службы для общественной». Они также надеялись на введение в Нижнем Тагиле городского самоуправления по Городовому положению, формирование городской полиции и пожарной команды, «что гораздо лучше будет обеспечивать тишину и спокойствие, и общественную безопасность в селении». Наконец, просители полагали, что городской образ жизни и соответствующие городам учреждения, «конечно, больше будут действовать на нравственное и умственное развитие населения и избавят заводы от содержания госпиталей, училищ и церквей». Кроме того, возлагались надежды на более интенсивное развитие местной промышленности, благодаря которой и заводы обеспечивались бы многими необходимыми для их работы «припасами».

Что же касается невыгодных последствий в результате возможного преобразования Нижнего Тагила в город, то они связывались с возможностью потери «заводским сословием» права на надел его покосами и лесом (в их владении могли остаться только усадебная и выгонная земля), а также с упразднением обязательств заводовладельца по содержанию местной полиции, пожарной команды, церкви, училища, больницы, равно как и обязательств по оказанию содействия «в содержании общественного управления, чистоты и опрятности в селении» (последнее свидетельствовало о необходимости расходов, которые могли стать «обременительными» для большинства бедных людей). Высказывались опасения, связанные с потерей опеки заводского начальства, увеличением «расстояния» между городским сословием и заводским начальством, отчего «бедный класс» мог многое потерять «в правах своих на помощь и содействие со стороны заводского начальства, как по содержанию их, так и в других нуждах». Местные торговцы побаивались городских торговых сборов, что больше бы сказалось на заводских людях, чем на приезжих купцах. Волновала тагильчан в целом проблема дальнейших взаимоотношений рабочих и заводского начальства при боль-

шем недостатке рабочих в результате их возможного перехода в городские сословия и новым образом жизни, что придало бы этим взаимоотношениям, «непрестанным и сложным», характер «более стеснительный для обеих сторон»¹².

И в общественных, и во властных кругах стали все отчетливее осознаваться преимущества такого реформирования. В 1871 г. в Комитете министров рассматривался рапорт сенатора Клушина, ревизовавшего Пермскую губернию и отстаивавшего идею перенесения уездного города из Верхотурья в Нижний Тагил «в видах административных и с целью развития горнозаводской промышленности и торговли». В рапорте приводилась сравнительная характеристика Нижнего Тагила и Верхотурья, свидетельствующая не в пользу уездного города. Если население Нижнего Тагила превышало 25 тыс. жителей, а его годовой оборот доходил до 9 млн. руб., то в Верхотурье проживало всего около 4 тыс. жит., стоимость его недвижимости оценивалась примерно в 26 тыс. руб.¹³.

Между тем, в досоветское время Нижний Тагил так и не получил официального статуса города со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он стал городом только в 1919 г. Верхотурье же во второй половине XIX — начале XX в. официально оставалось городом. Показательно, что в 1926 г. Верхотурье было переведено в разряд сельских поселений¹⁴.

Сохранению статусов рассматриваемых поселений в дореволюционное пореформенное время способствовал ряд обстоятельств. Не последнее место играло мнение местной власти в целом и, в частности, лично губернатора. Так, вопрос предварительно изучался на уровне губернского правления, которое сочло возможным оставить Верхотурье уездным городом, сделав из Нижнего Тагила новый город. Сам же губернатор в целом разделял позицию губернского правления относительно Верхотурья, но его беспокоили перспективы Нижнего Тагила, население которого, на его взгляд, не имело, «за самым незначительными исключениями, никаких прочных задатков ни в поземельном, ни в торговом, ни в промышленном отношении для самостоятельности городского населения» и находилось «в совершенной зависимости от заводских работ, сокращение или уничтожение которых, независимо от того, пройдет или не пройдет железная дорога через Тагил, низведет Тагил на степень обыкновенного селения»¹⁵.

В итоге реализовалась губернаторская инициатива деления Нижнего Тагила на три волости. Такое разделение предполагалось осу-

шествить к 1882 г., но реально оно состоялось 1 января 1883 г. Были созданы три волости: Выйско-Никольская (Вья), Нижне-Тагильская (первая часть) и Троицко-Александровская (Ключи и Гальянка). И.Я.Кривошеков писал о Нижнем Тагиле: «Развитию благоустройства селения нет соответствующих условий, селение с пятью тысячами домохозяев не имеет объединенного управления для себя, т.е. нет той самоуправляющейся единицы, в какую обыкновенно отформированы все селения России, носящие название городов, вместо объединения селение разбито на три волости»¹⁶.

Побывавший весной 1899 г. в Нижнем Тагиле знаменитый ученый Д.И.Менделеев изложил свое видение проблемы: «Нижне-Тагильск — целый город, 32 тыс. жителей, с широкими улицами, с прекрасными церквями, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейше путанные отношения между владельцем, казною и жителями»¹⁷.

Каждая волость в Нижнем Тагиле имела свой орган управления — волостную управу во главе с волостным старшиной. Поскольку единого общетагильского института самоуправления до революции не было, то его функции осуществляла заводская администрация. Волостное управление состояло из волостного схода, волостного правления во главе с волостным старшиной и волостного суда. На уровне сельского общества представительным институтом являлся сельский сход, выбирались также исполнительные лица: сельский староста, два сборщика податей, сотские и десятские¹⁸.

Двухуровневая система местного самоуправления (на уровнях сельского общества и волости) действовала и на других уральских заводах. При этом в волость могло входить не только горнозаводское поселение, но и близлежащие селения. Так, Висимо-Шайтанский православный приход и одноименная волость состояли из трех селений: завода, Павло-Анатольской деревни и дальних Галашек на р. Сулеме (деревни, находящейся в пределах Екатеринбургского уезда). Однако заводское селение являлось центром волости и в нем располагалось волостное правление¹⁹.

На примере Нижнего Тагила стоит детальнее рассмотреть систему местного самоуправления в горнозаводском поселении, отличающуюся демократизмом. Распорядительным институтом сельского

общества являлся сельский сход, собиравшийся раз в два месяца (по воскресеньям). На него допускались все мужчины общества, достигшие 18-летнего возраста, а также женщины-вдовы, не имевшие взрослых сыновей. На сходе решались дела общественно-хозяйственного характера: о наделении членов общества (при разделении семьи) усадьбой, о выделении места и средств для постройки школы; о ремонте дорог, рытье придорожных канав, чистке колодцев, найме пастухов и т.д. На сельском сходе разбирались семейные дела — жалобы жен на побои и пьянство мужей, на грубость и непослушание детей и пр. Сход мог устанавливать наказания для провинившихся лиц.

К концу XIX в., как отмечают В.Ю.Крупянская и Н.С.Полищук, круг вопросов, рассматривавшихся сельскими сходами, стал расширяться, отражая некоторый рост общественной активности населения. Так, в 1891 г. Александро-Невское общество «вынесло приговор» о том, чтобы «в районе этого общества с нового года не допускать открытия разного наименования заведений с продажей спиртных напитков»²⁰. Несколько раньше (6 декабря 1888 г.) сельский сход в Полевском заводе постановил ходатайствовать перед правительством о закрытии всех существовавших в Полевском заводе питейных заведений и об открытии одного общественного трактира. Это желание мотивировалось стремлением увеличить доходы самого общества за счет виноторговли, чтобы использовать вырученные средства на покрытие накопившихся на обществе больших недоимок²¹.

На сельских сходах рассматривались вопросы взаимопомощи «общественникам» при несчастных случаях. Так, частыми явлениями в заводских селениях являлись пожары, приносившие жителям большой ущерб. Например, в ночь на 22 августа 1888 г. в Нижне-Туринском заводе (Верхотурского уезда) произошел пожар, истребивший 3 деревянных дома по Госпитальной улице. Пожар начался в 2 часа ночи с сенника при доме волостного старшины Ф.Ф.Палкина. Два дома сгорели дотла, со всей обстановкой и имуществом трех большесемейных жильцов. Сами жильцы уцелели, успев выбраться из чада. От третьего дома осталась часть стен, и удалось вынести из него имущество. Очевидца поразило «положение старшины г. Палкина, который остался гол с семейством в 6 человек детей и жены». Нижне-Туринское общество во главе с представителями дворянского сословия, - сообщал все тот же свидетель этого ужасного зрелища, - «к участи пострадавших семейств отнеслось

весьма сочувственно, так что на другой же день по подписке, учтенной одним из заводских служащих Б...пожертвовано было более 100 руб. сер. в пользу пострадавших». Причины пожара остались невыясненными, но было предположение о поджоге²². Нижне-Туринское общество не ограничилось подпиской на сбор средств пользу погорельцев и на очередном сельском сходе, состоявшем 28 августа 1888 г., постановило выдать из общественных сумм «пособие пострадавшим» 750 руб., из которых на долю Ф.Ф.Палки на предусматривалось 500 руб.²³.

Зимой 1891-1892 гг. активно обсуждался на сельских сходах продовольственный вопрос, возникший по причине неурожайного 1891 г. Так, на сельском сходе в Михайловском заводе речь шла о заготовленной на присланный земством специальный «капитал горнозаводских мастеровых» ржаной муке и вариантах ее реализации в тяжелых для населения условиях: оставить ли муку на складе для продажи по заготовительной цене до нового урожая или же выдавать постепенно в ссуду действительно голодавшим мастерам. Присутствовавшие на сходе постановили: распределить муку между «годными работниками», т.е. взрослыми мастеровыми, платившими подати и повинности. Сход постановил отказать в ходатайстве о помощи другим категориям голодавших: вдовам с малолетними сиротами, престарелым старше 60 лет, увечным и вообще неспособным к труду. Автор газетной заметки, опубликованной в «Екатеринбургской неделе», критически описывал эту ситуацию «Отсюда следует, что трудоспособные и потому более зажиточные члены общества, из которых добрая половина не нуждается вовсе и в продовольственной помощи, получили себе в ссуду на пропитание весь купленный на общественные деньги хлеб, а безусловные голодающие, неспособные к добыванию хлеба своим трудом и потому крайне нуждающиеся в хлебе мастеровые — оставлены вне всякой общественной помощи, на произвол судьбы... «Ведь, вам всего-то по 26 фунтов приходится на душу, и вы такими пустяками хотите воспользоваться!», - пробовали, было, урезонивать сходы некоторые из рассудительных мастеровых; «Поберегли бы лучшую муку для голодных бедняков, вот, хотя бы на содержание столовой», - советовали они. — «Нет, покорно благодарим: теперь вся кому до себя. Мы не виноваты, что бедны да голодны. Пусть земство, а не то заводчик их кормит, - кричит большинство голодных». И на следующий день вся мука из склада была роздана «годным работникам»²⁴.

Бывало, что на сельских сходах наблюдались беспорядки и даже драки. В Михайловском заводе 14 мая 1889 г., после разбора местным мировым судьей ряда дел о самовольных сенокосах в Михайловской заводской даче мастеровыми этого же завода, состоялся сельский сход для обсуждения этого вопроса. На нем был избран «ходатай» перед правительством. Мастеровые считали покосы своими, даже те, которые при составлении уставной грамоты не имели 18-летнего возраста. Мировой судья же присуждал в пользу заводоуправления понесенные убытки. По свидетельству современника, разъяснять мастеровому люду «всю ложность их убеждений» было «почти некому», так как даваемые каждый раз мировым судьей при разборе этих дел разъяснения для них были недостаточны, а «разъяснять со стороны сельской или волостной власти было бы рискованно». По словам того же очевидца, на сходах бывало «много неграмотной молодежи, не имеющей права голоса, которая всех больше кричит и в большинстве случаев постановляются на таких началах приговоры». Так было и на сходе, обсуждавшем проблему покосов. На нем один из общественников стал убеждать других в неправильности понимания ими своих прав по пользованию заводскими покосами и за этот совет получил «в назидание оскорбление и побои». Было заведено судебное дело. Общественные порядки на Михайловском заводе не были исключением. В соседнем Нижне-Сергинском заводе общественники также оскорбили своего же поверенного за то, что тот разъяснял им существовавший закон, а не горный устав, на основании которого они отстаивали свои права²⁵. Можно видеть, что нередко демократия на местах означала самоуправство и своеволие мастеровых.

Пример Нижнего Тагила позволяет заключить, что административные функции в сельском обществе выполняли сельский староста, два сборщика податей, сотские и десятские. Эти должности были выборными и, за исключением, десятских, платными. В обязанности десятских входили: надзор за «десятидворками», помощь при тушении пожаров, сопровождение арестованных, исполнение распоряжений сельского старосты и волостного старшины и т.п. Десятский носил на груди медную бляху с надписью: «десятский». Дощечка с такой же надписью прибывалась на воротах его дома. Сфера компетенции сотских в основном сводилась к наблюдению «за благочинием, безопасностью и порядком». Они приводили в исполнение приговоры о телесном наказании розгами, дежурили на квартире пристава, порой заменяя кучера и дворника, выполняли

обязанности рассыльных при волостной управе. Сотский носил на груди большую круглую, медную или железную, бляху с выдавленным штампом двуглавого орла и надпись: «сотский». Горный техник Л.Шмаков, вспоминая старые времена, отмечал, что «На эти выборные должности люди шли весьма неохотно. Жалованье было очень скудное, прав никаких. ...А с населением они невольно состояли во враждебных отношениях. Поэтому нередко сход выбирал на эти должности в наказание, в отместку за что-либо, так и говорил: "Погоди, выберем тебя на сходе в сотские" ²⁶.

Что касается волостного схода, то в Нижнем Тагиле в его работе участвовали местные должностные лица — волостной старшина, сельские старосты, сборщики податей и пр., а также представители населения — «выборные», выдвигавшиеся на сельских сходах по одному от десяти дворов. Волостные сходы собирались два-три раза в год с ведома земского начальника²⁷.

В Сысертском заводе с населением до 10000 человек обоего пола (в том числе 1331 домохозяин) устоялась традиция ежегодного проведения волостного схода 2 января. Однако в 1889 г. волостной сход не был созван и в середине января. Дело в том, что прежних выборных от 10 домохозяев, избравшихся для присутствия на волостном сходе, следовало переизбрать. Они избирались на трехлетний срок, закончившийся к 1 января 1889 г. Получилось так, что новых выборных Сысертское сельское общество к тому времени не избрало. Возникли трения с местным волостным начальством. 7 января 1889 г. состоялся сельский сход. Волостное начальство предложило ему «список могущих быть выборными» (по предположению современника, чтобы иметь «известный» подбор выборных) и просило его утвердить. Крестьяне же отказались от утверждения выборных, назначенных самим начальством, и постановили избрать выборных по сотням, т.е. каждый сотский, вызвав к себе несколько человек стариков, избрал бы нужное число лиц для участия на волостном сходе. Волостное начальство дало распоряжение избрать каждому сотскому по 15 человек. Всего сотских было 12, они должны были выбрать 180 выборщиков. В действительности получалось их 106, так как из 1331 домохозяина правом голоса обладали только 1059. Местный житель на страницах газеты выражал желание общества, «чтобы поскорее состоялся волостной сход», а то члены сельского общества были лишены возможности пользоваться волостным судом, хотя дел для него накопилось очень много. Кроме того, указывал он на

необходимость утвердить смету расходов по волости, в соответствии с которой произвести раскладку податей по душам, а из-за нерешенности этих вопросов сбор податей почти приостановился. Современник описывал ненормальную ситуацию: старшина с 7 января почти не появлялся в волости, писаря не было, не было и судей, а, если куда-то из волости отлучался староста, то мелкие делопроизводственные обязанности за старшину выполняли сыертские сельские сборщики податей²⁸.

По данным В.Ю.Крупянской и Н.С.Полищук, в компетенцию волостных сходов в Нижнем Тагиле входило: избрание местных должностных лиц – волостных старшин, заседателей (судей), рыночных старост, выбор кандидатов в гласные уездного земства; решение административно-хозяйственных вопросов – контроль за сбором податей, вопросы народного образования и расходования общественных денег на ремонт и строительство дорог, мостов и общественных зданий. Решения на сходе принимались простым большинством голосом²⁹.

Подобная система управления действовала и в Невьянске. Так же, как и в Нижнем Тагиле, представительным органом на волостном уровне здесь являлся волостной сход, выбиравший волостного старшину, решавший различные, административно-хозяйственные вопросы. Сход назначал жалованье волостному старшине. Решения принимались большинством голосов. Например, 7 января 1889 г. большинством голосов на сходе волостным старшиной был избран Л.А.Нечкин. Большинство же голосов ему было назначено жалование в размере 40 руб. в месяц. Обсуждались и другие финансово-хозяйственные проблемы. Перед закрытием схода, по просьбе выборных, был зачитан приговор о смете расходов по Невьянской волости на 1889 г., и при чтении приговора «сход был изумлен следующим: жалованье старшине по смете значилось не 480 руб. в год, как утвердил сход, а 708 руб.». Сход, услышав это, заволновался и стал просить руководителя схода г. К-на переписать приговор и вместо 708 руб. написать 480 руб., но тот не выполнил этой просьбы. В итоге неграмотные выборные, отняв доверенность у грамотного, отказались удостоверить этот приговор, а грамотные все же согласились подписать его, несмотря на другой итог голосования. Эта ситуация, описанная современником, заканчивалась выводом о том, что на волостных сходах в Невьянске вообще царили «страшные беспорядки», сходы сопровождалась руганью, а дела на них решались «горлом»³⁰.

Следует отметить, что сельские общества располагали скудными капиталами. Особенно сложной была ситуация в 1891 г. 10 ноября этого года на волостном сходе было принято решение открыть с нового года общественную винную лавку, чтобы местное общество могло получать от торговли в заводе вином дополнительные средства на удовлетворение разнообразных общественных нужд. На расходы по выправке патента для винной лавки и иные соответствующие потребности сход ассигновал из запасного мирского капитала 200 руб. с расчетом на покрытие суммы от торговой прибыли. Из местных домохозяев был избран приказчик с платой ему жалованья по 20 руб. в месяц за работу и помещение, предоставленное им под лавку. Сход также постановил отдельным приговором, чтобы каждый общественник покупал водку в общественной винной лавке, а не в частных питейных заведениях под угрозой штрафа в сумме 2½ руб. за каждое нарушение постановления.

На том же волостном сходе рассматривался вопрос об использовании капитала в размере 4500 руб., образовавшегося путем удержания 2% из заработка рабочих и жалованья служащих на строительство новой церкви взамен сгоревшей 2 мая 1889 г., на покупку хлеба для продажи местным жителям с условием возврата этого капитала комитету по постройке церкви с течением времени. Однако вопрос не был решен посредством голосования³¹.

В состав волостного правления (как показывают данные по Нижнему Тагилу и Сысертскому заводу) входили: волостной старшина, сельские старосты, сборщики податей и волостной писарь, который мог быть и выборным, и наемным. Для избрания в члены волостного правления не требовалось какого-то определенного имущественного ценза, но, как правило, в него избирались зажиточные люди — ремесленники, торговцы.

В обязанности волостного старшины (по материалам Нижнего Тагила) входили: созыв и роспуск волостных сходов, приведение в исполнение их приговоров, контроль за отбыванием разных повинностей, объявление населению правительственных распоряжений и законов, дела полицейского характера, в частности, донесение о преступлениях и беспорядках и т.д.³².

Волостные правления заседали в специально построенных для этого зданиях. Так, жители Атигского завода (Красноуфимского уезда) сокрушались, что 23 июня 1888 г. сгорело здание волостного правления, выстроенное вновь после предшествовавшего пожара в 1885 г. На волостном сходе, состоявшемся 29 июня 1888 г., было

принято постановление: «выразить пермскому губернатору скорбь и бедственное положение здешних крестьян, пострадавших от пожара с просьбой о разрешении открыть в пользу их добровольную подписку»³³.

В помещениях волостных правлений устраивались торжественные общественные мероприятия. 30 августа 1888 г., в день праздника Александра Невского, после обедни, в Нижне-Туринском заводе при крестном ходе состоялось освящение памятника-часовни (в память о царе-освободителе Александре II) местным духовенством, по окончании которого для желающих был устроен обед в здании волостного правления. Каменная часовня с оградой и железной решеткой обошлась обществу в 2 тыс. руб., а иконостас в ней с золоченой изящной резьбой с четырьмя иконами и портретом императора Александра II — в 350 руб.³⁴.

Здание волостного правления являлось помещением для выборов гласных от крестьян в местное земство. В 1888 г. выборы гласных от крестьян по 7-му выборному участку Екатеринбургского округа на новое трехлетие проходили в здании волостного правления в Кыштымском заводе, а не в Каслинском, как в предыдущее время. Житель Каслинского завода сетовал, видимо выражая мнение всего местного населения: «... Нас несколько занимает и удивляет эта перемена — почему Кыштымский завод вдруг сделался центральнее Каслей? Помещение для выборов — здание волостного правления, но и у нас есть таковое же и не хуже, чем в Кыштыме. Резиденция мирового судьи находится у нас же. Следовательно, прогоны мирового судьи до Кыштыма есть излишняя трата денег... 7-й выборный участок ныне составляется из шести волостей: Каслинской, Саринской, двух Уфалейских, Кыштымской и Рождественской... расстояние до Кыштыма от других волостей не составляет существенной разницы. От Уфалейской волости столько же, до Кыштыма (50 верст), сколько и до Каслей, Саринская же волость расстоянием до Кыштыма несколько дальше, чем от Каслей, но прежде Рождественской было дальше до Каслей, чем до Кыштыма. Вообще, мы не видим ни в чем преимуществ быть выборному участку в Кыштыме». На выборах присутствовало: кыштымских выборных — 19, рождественских — 2, каслинских — 30, верхнее-уфалейских и нижне-уфалейских — 32, саринских — 2 (всего — 64 чел.). Баллотировка была открытой, «т.е. простой подачей голосов, с переходом «направо и налево». В гласные от крестьян оказались избраны: от Уфалейской волости А.С.Петров (единогласно), а так-

же каслинский волостной старшина Н.А.Трутнев и кандидат старшины П.П.Свистунов. Кандидатами к ним были избраны трое каслинских крестьян³⁵.

В Нижнем Тагиле волостной суд, избравшийся волостным сходом и утверждавшийся земским начальником, заседал еженедельно. Он разбирал те гражданские дела, которые не могли быть решены на сходе (например, спорные дела о наследстве и разделе имущества, ссоры в семьях и между соседями, уголовные дела). По уголовным делам волостной суд имел право присудить штраф до 30 руб. или арестовать на срок до 30 суток³⁶.

Критические отзывы современников о работе волостного суда на разных заводах в рассматриваемый период встречаются в источниках довольно часто, а его нетрадиционные (или наоборот слишком традиционные) решения вызывают сегодня невольную улыбку. Так «крайне интересным», по мнению современников (случай описывался в газете «Екатеринбургская неделя» от 12 сентября 1879 г.) было одно из решений волостного суда на Верхне-Сергинском заводе, «напоминавшее средневековый суд Божий». На заводе в то время довольно часто стали повторяться случаи пропажи коров. Сначала подозрение падало на волков, но потом выяснилось, что виновным был крестьянин Логинов: его застали в тот момент, когда он в поле свеживал чью-то корову. Улики были очевидны. Но Логинов не растерялся и на суде заявил, что сам коров не крал, а покупал украденных другими. Суд определил: отправиться в полном составе суда в дом Логинова, «сделать из заарестованного мяса достаточное количество пельменей и затем приступить к их истреблению в том уповании, что если мясо, содержащееся в пельменях принадлежит корове, украденной самим Логиновым, то пельмени должны стать поперек горла, если же корова украдена кем-либо другим, то они пройдут без всяких затруднений». Дело закончилось тем, что «пельмени прошли, как по маслу, а виновник торжества Логинов освобожден от всякой ответственности и за кражу, и за покупку заведомо краденых коров». Еще один возмутительный случай из работы волостного суда на Верхне-Сергинском заводе описан в том же газетном номере: «8 августа явились в волостной суд дядя и племянник, в сопровождении матери последнего. Исковые требования сопровождалась бранью, которая мало-помалу перешла в жестокую драку в присутствии внимательно, но безмолвно следящих за ходом дела членов волостного суда. Эпизод этот окончился тем, что избитая женщина замертво была вынесена из заседания и

на другой день умерла от побоев и увечья... Похороны и обычные поминки были справлены богато...». Заканчивалась газетная заметка словами: «Обращаем на эти два возмутительных случая внимание тех, кому вестать о том надлежит»³⁷.

Следует отметить, что на традиции самоуправления на уральских заводах и этику взаимоотношений горнозаводских людей во многом влияла церковь с ее институтами, например, церковно-приходскими попечительствами. Так, в Северском заводе было принято решение о создании Северского церковно-приходского попечительства о бедных. С этой целью приняли постановление удерживать при посредстве заводской конторы с каждого заработанного северскими прихожанами общественного рубля по 1% (т.е. по 1 коп.). После этого решения несколько месяцев формировался капитал для открытия попечительства. Весной 1887 г. оно приступило к своей деятельности — помощи хлебом больным, вдовам и сиротам. Хлеб покупался по заводской цене в местном магазине и раздавался нуждающимся.

По причине неурожайного 1891 г. северчане также, как и жители других уральских заводов, оказались в бедственном положении. Зимой 1891-1892 гг. деятельность местного церковно-приходского попечительства приобрела широкие размеры. Расход попечительства превышал ежемесячные доходы, колебавшиеся в пределах от 60 до 80 руб. Был затронут запасный капитал, достигший на тот момент 2000 руб. В январе 1892 г. было выдано хлеба на 318 руб., в феврале — на 286 руб. Было роздано также закупленное на 700 руб. сено.

В январе 1892 г. «общественники» во время схода обратились в попечительство с просьбой о закупке еще сена. Попечительство постановило купить сено и солому и продавать за наличные деньги, что и было исполнено. Закупленных в Краснояре и Горном щите партий сена и соломы не хватило и до марта. На новом собрании решено было продолжить закупку сена и отдавать нуждающимся в долг под расписку с возвратом денег до 1 июля. Вскоре было куплено в Ураиме до 1000 пудов сена по 44 коп. за пуд и роздано желающим³⁸.

Примерно в это же время, 1 марта 1892 г., в Ревдинском заводе открылась бесплатная столовая для бедных учеников и учениц местных школ, созданная на средства местного церковно-приходского попечительства и Красного Креста. Первую неделю в столовой ежедневно обедало по 30 чел., а затем число обедавших увеличилось до 54³⁹.

В пореформенный период стали появляться светские, профессиональные самоуправляющиеся общества: общества потребителей и ссудно-сберегательные товарищества. В них входили и мастеровые. Например, в Верхне-Уфалейском обществе потребителей к 1 ноября 1886 г. насчитывалось 73 члена, в том числе 10 мастеровых⁴⁰.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в горнозаводской среде на Среднем Урале в пореформенный период большую роль играли традиции общинного самоуправления. Органы местного самоуправления горнозаводской общины выполняли административно-хозяйственные, финансово-податные, полицейские и различные социокультурные функции, включая социальную политику, направленную на помощь нуждающимся членам общества. Горнозаводская община обладала известной автономией, отстаивала местные интересы перед земством и государственной властью, последняя же использовала общину с ее органами самоуправления для осуществления своей налоговой политики. Несмотря на ряд новаций, ставших следствием Великих реформ, в рассматриваемый период сохранялись и традиционные социальные структуры, в частности, волостной суд, впрочем, недостаточно профессиональный и эффективный. В целом же рассмотренный материал свидетельствует о том, что нельзя недооценивать роль общинного самоуправления у горнозаводского населения Среднего Урала во второй половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крулянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX — начало XX в. М., 1971. С.153-157.

2. Кривошецов И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии, с общим историко-экономическим очерком и приложением карт уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь 1910. С.585.

3. Крулянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С.153-154.

4. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 462. Л. 2-2 об.

5. Там же. Л. 3-4.

6. Там же. Л. 4-5.

7. Там же. Л. 76 - 76 об.

8. Екатеринбургская неделя. 1881. 14 октября. № 40. С.541-543.

9. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 462. Л. 80 об.

10. Там же. Л. 81.

11. Там же. Л. 81 - 81 об.

12. Там же. Л.82 - 83 об.

13. Там же. Л.130 - 131 об.
14. Анимияца Е.Г. Нижний Тагил // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.367-368; Он же. Верхотурье // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.117.
15. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 462. Л. 144.
16. Кривошекоков И.Я. Указ. соч. С. 586.
17. Менделеев Д. В Нижнем Тагиле // Нижний Тагил; Свердловск, 1945. С.91.
18. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С.153 - 157.
19. Кривошекоков И.Я. Указ. соч. С. 341.
20. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 154-155.
21. Екатеринбургская неделя. 1888. 18 декабря. № 50. С. 1105.
22. Там же. 28 августа. № 34. С. 719.
23. Там же. 25 сентября. № 38. С. 806.
24. Там же. 1892. 3 мая. № 17. С. 347.
25. Там же. 1889. 4 июня. № 22. С. 459-460.
26. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155; Шмаков Л. В старое время // Нижний Тагил. С. 71 - 73.
27. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155.
28. Екатеринбургская неделя. 1889. 5 февраля. № 6. С. 125.
29. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155.
30. Екатеринбургская неделя. 1889. 29 января. № 5. С.107 - 108.
31. Там же. 1892. 26 января. № 4. С.76 - 77.
32. Там же. 1889. 5 февраля. № 6. С. 125; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155 - 156.
33. Там же. 1888. 24 июля. № 29. С. 620 - 621.
34. Там же. 25 сентября. № 38. С. 806.
35. Там же. 14 августа. № 32. С. 681.
36. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155 - 156.
37. Екатеринбургская неделя. 1879. 12 сентября. № 8. С. 87.
38. Там же. 1892. 29 марта. № 13. С. 304.
39. Там же. 1892. 29 марта. № 13. С. 265.
40. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 155 -156; Екатеринбургская неделя. 1888. 6 марта. № 10. С. 222.